

РАННЕЕ ТВОРЧЕСТВО В.Г. СОРОКИНА В КОНТЕКСТЕ ЕГО ЗРЕЛЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ИСКАНИЙ

М.П. МАРУСЕНКОВ

Кафедра истории русской литературы XX в.
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
ГСП-1, Ленинские горы, МГУ, 1, стр. 51, 1-й учебный корпус,
119991, Москва, Россия

В настоящей статье реконструируется творческий путь В. Г. Сорокина до начала работы над романом "Норма". На основе анализа имеющихся сведений и интерпретации рассказов "Розовый клубень" и "Окружение" показывается, что фундамент гротескно-абсурдистской поэтики Сорокина закладывался уже в первых литературных опытах писателя.

Владимир Сорокин пришел в русскую литературу сложившимся писателем. К 1985 г., когда в Париже был опубликован его роман "Очередь" (1982-1983), принесший молодому автору всемирную известность (1), "в столе" у Сорокина лежали уже четыре крупных произведения. Кроме "Очереди", это были романы "Норма" (1979-1984) и "Тридцатая любовь Марины" (1982-1984), а также сборник рассказов и повестей "Первый субботник" (1980-1984). Все это зрелые художественные произведения, создававшиеся в один творческий период. Однако пробовать себя в литературе Сорокин стал задолго до начала работы над "Нормой".

Подростковые рассказы. По словам писателя, самым первым его литературным произведением был рассказ "Тетерев", написанный в четырнадцать лет: "Это история о том, как он (тетерев - М.М.) родился, учился летать, жил в тетеревином выводке. А потом его подстрелил охотник, и он бегал с перебитым крылом, проходя через разные испытания. Как перезимовал, следующей весной опять попытался подняться и благополучно прилетел на токовище. Это один из немногих моих рассказов с хорошим концом. Получился он очень легко, и я его послал в журнал "Юный натуралист". Мне ответили, что написано хорошо, но они длинные тексты не печатают" [2, с. 9].

Обращение к литературному творчеству отчасти было обусловлено тем, что в семье Сорокина "литература всегда была в почете, все новинки прочитывались" [3, с. 14]. Тематика рассказа тоже была выбрана не случайно. "Я вырос в семье охотников, - сказал Сорокин в интервью журналу "Академия", - поэтому все в нем (рассказе - М.М.) было пропитано соответствующей романтикой. Мой отец - профессор, у него техническое образование, а вот дедушка служил лесником, и каждое лето мы ездили в глухие леса на границе Калужской и Брянской областей" [3, с. 14] (2).

После "Тетерева" был написан эротический рассказ "Яблоки": "Я его написал не для публикации, а для свободного чтения, для друзей. Получился он еще легче ("Тетерева" - М.М.) - настолько легко, что я даже постеснялся подписать его собственным именем, так как все равно бы не поверили. Поэтому я сказал, что перевел его с английского. "Яблоки" пошли "на ура". По сюжету там мужчина и

дама знакомятся в очереди за яблоками. Никто даже не обратил внимания, что это советская реалья, что на Западе в очередях за яблоками не стоят. Подлога не заметили! <...> Я жалею, что этот рассказ так где-то и растворился" [2, с. 9-10]. В интервью "Известиям" Сорокин назвал среди своих ранних произведений еще один рассказ, с научно-фантастической тематикой [3, с. 14].

Близко знакомый с писателем Б.В. Соколов подробно излагает сюжет "Яблок": "Он и она знакомятся в очереди за яблоками. Она - женщина видная, он - большой нахал. Он начинает к ней приставать, она его как будто игнорирует. Она идет домой, он идет следом. В подъезде начинает ее целовать. Она подпадает под обаяние его чар и говорит: "У меня муж уехал в командировку". Они поднимаются к ней в квартиру и занимаются сексом". По мнению Соколова, этот сюжет лег в основу романа "Очередь" [4, с. 21]. Схожая сюжетная ситуация встречается также в первой части романа "Норма", в одном из эпизодов которой описывается сексуальный контакт между Олей и Сережей [5, с. 33-39]. Кроме того, Соколов утверждает, что рассказов в фантастическом жанре было несколько, а также добавляет к списку ранних произведений Сорокина рассказ на военную тему, причем тетрадка с этими рассказами, по словам исследователя, до сих пор хранится в архиве писателя [4, там же].

Итак, уже в самых первых литературных опытах Сорокин обратился к эротической и фантастической тематике. В зрелом творчестве пристальное внимание к проявлениям телесности наряду с активным использованием фантастической и гротескной образности станет визитной карточкой писателя. "Я постоянно работаю с пограничными зонами, где тело вторгается в текст, - сказал Сорокин в интервью С. Рол. - Для меня всегда была важна эта граница между литературой и телесностью. Собственно, в моих текстах всегда стоит вопрос литературной телесности, и я пытаюсь разрешить проблему, телесна ли литература. Я получаю удовольствие в тот момент, когда литература становится телесной и нелитературной" [6, с. 123-124]. А рассуждая о рассказе "Настя" из книги "Пир" (2000), писатель отметил: "Понятно, такого не может быть, но все описывается достоверно, как истинный факт. Несовпадение этих двух категорий - невероятного и достоверного - у меня всегда присутствует, оно привносит почти наркотический привкус" [7, с. 26].

Стихотворение "Прощание с летом". После первых проб пера Сорокин, по его словам, бросил заниматься литературным творчеством: "С тех пор к литературе я охладел, так как мне показалось, что писать, в общем-то, просто. Хотя литературу всегда любил и в школе получал пятерки, но занимался рисованием - там было над чем работать, что преодолевать. Думал, что я художник, и получал большое удовольствие" [8, с. 88].

Однако это не совсем так. Будучи первокурсником Московского института нефтехимической и газовой промышленности им. И. М. Губкина, Сорокин принес в вузовскую многотиражку "За кадры нефтяников" стихотворение "Прощание с летом", которое стало его первым опубликованным литературным произведением [9, с. 2] (3). Приведем здесь это стихотворение целиком с сохранением строфики оригинала:

Как много песен спето
про перелетных

птиц...

Уходит лето,
 тает лето,
 и нет границ...
 И жалко с летом
 расставаться -
 всегда, друзья,
 И даже с летом
 попрощаться -
 увы, нельзя. Оно уходит незаметно.
 И жарок лес.
 И по закону неизменно
 хмур взор небес.
 Лето уйдет, и снег
 проснется
 там, в вышине.
 И осень хмуро улыбнется
 тебе и мне.

В интервью "Известиям" писатель назвал "Прощание с летом" "шуточной публикацией" [3, там же]. У редактора многотиражки Р.П. Ляшевой сложилось несколько иное впечатление: "Оно (стихотворение - М.М.), как видим, без затей и без экспериментов - искреннее, душевное, бесхитростное. Оно осталось у него (Сорокина - М. М.), насколько помнится, единственным; потом студент-нефтяник приносил рисунки и графику вполне профессионального уровня и тоже лирическую по тематике" [10, с. 13].

Больше своих стихотворений Сорокин нигде не печатал, но поэтические эксперименты не прекратил. По словам писателя, закончив институт, он "преступно" не работал по специальности, а "занимался живописью и пописывал стихи" [11, с. 14]. Возможно, что некоторые из этих стихотворений впоследствии вошли в цикл "Времена года", ставший четвертой частью романа "Норма", а следовательно, могли в свое время писаться всерьез, без тени иронии.

Однако трудовой стаж, пусть и не по специальности, у Сорокина все же был. После окончания института он ровно год, с июля 1979 г. по июнь 1980 г., проработал художественным редактором журнала "Смена" (4). Как в литературно-художественном журнале, в "Смене" регулярно публиковались подборки стихотворений и художественная проза, преимущественно типично-соцреалистические по стилистике. Необходимость прочитывать все эти тексты не могла не наложить свой отпечаток на поэтику автора "Первого субботника". По крайней мере, в заключительной части романа "Норма", озаглавленной "Летучка", Сорокин на заумном языке описывает собрание редколлегии литературного журнала, посвященное обсуждению одного из последних номеров издания. Учитывая время создания романа, резонно предположить, что в основу этого описания легли личные впечатления автора (5).

Знакомство с концептуализмом, поп- и соц-артом. В 1975 г. Сорокин "попал в среду московского художественного андерграунда, в круг концептуалистов - Ильи Кабакова, Эрика Булатова, Андрея Монастырского". "Тогда был пик соц-арта, - сказал писатель в интервью Т. Рассказовой, - и на меня сильное впечатление произвели работы Булатова, во многом они изменили мое

отношение к эстетике вообще. До этого я воспринимал исторический и культурный процессы оборванными в 20-е годы и постоянно жил прошлым - футуристами, дадаистами, обэриутами" [12, с. 119].

Попав же в круг концептуалистов, Сорокин увидел, что "наш чудовищный советский мир имеет собственную неповторимую эстетику, которую очень интересно разрабатывать, которая живет по своим законам и абсолютно равноправна в цепочке культурного процесса" [Там же]. Представление об интересах писателя этого периода дает седьмая часть романа "Норма", главный герой которой ("подсудимый") буквально одержим авангардистскими художественными течениями. От избытка впечатлений у него случается приступ шизофрении, и "подсудимый" начинает остервенело печатать. В результате возникает подборка коротких рассказов, в которых хрестоматийные образцы соцреалистической поэзии остраняются посредством реализации содержащихся в них метафор и/или помещаются в контекст тщательно сымитированной реалистической прозы.

Очевидно, что перед нами иронический портрет самого писателя (6). По словам Сорокина, знакомство с концептуализмом и поп-артом дало ему ключ к дальнейшему творчеству: "Я впервые понял, что я делаю, хотя до этого бессознательно делал приблизительно то же самое. В первых моих вещах было много литературщины, но, тем не менее, я уже тогда использовал некие литературные клише, не советские, а постнабоковские. Но благодаря картинам Булатова <...> я вдруг увидел формулу: в культуре поп-артировать можно все. Материалом может быть и "Правда", и Шевцов, и Джойс, и Набоков. Любое высказывание на бумаге - это уже вещь, ею можно манипулировать как угодно. Для меня это было как открытие атомной энергии" [13, с. 12].

После недолгого периода "литературщины", представлявшей собой "синтез из Кафки, Набокова и Орвелла", Сорокин стал писать "в откровенно соцартовской манере" [12, там же]. Поэтому, хотя возврат к литературе произошел в 1977-1978 гг. (7), начало серьезного творчества Сорокин относит к 1980 г.: "Тогда были написаны несколько рассказов и первая часть "Нормы". Я считаю это важным этапом" [3, там же]. Из рассказов, написанных в 1979-1980 гг., в настоящее время известны три: "Розовый клубень", "Окружение" и "Заплыв". Последнее из названных произведений писатель считает своим литературным дебютом: "Неожиданно для себя я бросил рисовать и написал первый рассказ - "Заплыв". Его одобрили люди, которых я очень уважал: Кабаков, Булатов... И я стал писателем" [8, там же].

Ввиду того, что "Заплыв" относится к зрелому творчеству Сорокина, его рассмотрение выходит за рамки настоящей статьи, на рассказах же "Розовый клубень" и "Окружение" следует остановиться подробнее. Черты гротескно-абсурдистской поэтики, которая в полную силу заявит о себе в "Норме" и "Первом субботнике", содержатся уже в этих двух ранних произведениях писателя.

В рассказе "Розовый клубень" [16] изображается некое тоталитарное государство, с прозрачными аллюзиями на сталинский СССР: центральным печатным органом в этом государстве является "Истина", а неугодных режиму людей называют "плюющими против ветра". При этом в каждой семье, подобно комнатному растению, выращивается Розовый клубень - точная копия Великого

Вождя, Отца Великой Страны - с величественно нахмуренными бровями, мясистым носом и легкими складками на плотно сидящем кителе. Каждый момент роста этого "чуда селекции", подкармливаемого слюной и спермой, отмечается на семейном празднике, будь это День Первых Выходов, День Прозрения или День Завершения Роста.

Смерть Великого Вождя становится для страны страшной трагедией: целых две недели люди оцепенело сидят дома. Новый Вождь, торжественно приняв Руль, поначалу ни слова не говорит о своем предшественнике. "Это пугало людей. Некоторые сходили с ума, некоторые, обняв горшки с клубнями, выбрасывались из окон". Только "через месяц новый Вождь выступил с обращением к народу, где упомянул "бывшего у Руля, но выбывшего по причине необходимых, но недостаточных причин". Характерно, что прежний Вождь не умер, но именно "выбыл", причем об этом говорится сухим канцелярским языком.

Вместе с тем в этой суконной фразе заключен некий скрытый смысл, от верного понимания которого зависит дальнейшая судьба человека при новом Вожде. "Народ понял это двояко и немедленно поплатился: убравшие клубни с подоконников были тут же арестованы, а оставившие - предупреждены". Причины репрессий очевидны. Те, кто убрал Розовый клубень с подоконника, проявили неуважение к прежнему Вождю, а потому были арестованы. Те же, кто оставил горшки с клубнем на подоконнике, проявили неуважение уже к Вождю нынешнему, а потому были предупреждены.

И то, и другое действие является результатом неверных, чересчур буквальных трактовок высказывания нового Вождя. В его фразе нужно было уловить скрытый, но подлинный смысл, далекий от крайностей буквализма. Другими словами, по отношению к Розовому клубню необходимо осуществить некое амбивалентное действие: убрать его с подоконника и оставить там одновременно.

Герои рассказа, семейная пара Анна и Коля, догадываются о том, что именно необходимо сделать с клубнем, только через полтора месяца. В один из вечеров, преодолев невольный страх, они принимаются за консервирование Розового клубня, срезав его и закатав в восьмилитровую банку, а затем водрузив на прежнее место. "Банка стояла, поблескивая стеклянными боками. А Он еле заметно покачивался в воде, окруженный редкими лавровыми листьями".

Именно консервирование было тем амбивалентным действием, которое позволяло одновременно и убрать клубень с подоконника, и оставить его там. Так же, как и Вождь, клубень должен был выбыть, но не умереть. Процесс его консервирования служил символическим аналогом мумификации.

Наутро выясняется, что не только Анна с Колей нашли верный смысл во фразе нового Вождя: "Город просыпался, зажигались окна. Но в городе что-то изменилось. И изменилось серьезно. Анна протерла глаза, присматриваясь: на подоконниках стояли не привычные с детства серебряные и золотые горшки, а... стеклянные банки с розовыми клубнями".

Сорокин создает жутковатую картину зомбированного, роботизированного общества, в котором стало явью то, что было недостижимой мечтой для многих прожектеров коммунистической утопии: добиться равенства и единообразия не только в жизни, но и в мышлении. Так, в статье "Контур пролетарской

культуры" (1919) А. Гастев писал: "Машинизирование не только жестов, не только рабоче-производственных методов, но машинизирование обыденно-бытового мышления, соединенное с крайним объективизмом, поразительно нормализует психологию пролетариата. <...> В дальнейшем эта тенденция незаметно создаст невозможность индивидуального мышления, претворяясь в объективную психологию целого класса с системами психологических включений, выключений, замыканий" [17, с. 330-331].

Существенно, что восприятие Сорокиным скрытых механизмов советской культуры соответствовало их пониманию в современной писателю культурологии. Как утверждает В. Паперный в своей работе "Культура Два", законченной в том же 1979 г., одной из важных черт сталинской эпохи было выдвижение логически несовместимых, амбивалентных требований. "Культура может требовать одновременно двух взаимоисключающих вещей, - пишет Паперный, - стандартизации строительства и индивидуального подхода к каждому сооружению, удешевления архитектуры и достижения максимального ее богатства, физического уничтожения памятников собственной архитектурной традиции и объявления этой традиции единственным источником творчества <...> и т.д." [18, с. 211].

Причину возникновения таких парадоксов исследователь видит во враждебном отношении культуры 2 (т.е. культуры 1930-1950-х гг.) к попыткам "перевести ее мироощущение на язык логически непротиворечивых требований", так как это предполагает позицию стороннего наблюдателя: "Надо либо полностью раствориться в культуре, либо быть отвергнутым ею" [Там же, с. 211-212]. Однако не меньшую роль играло при этом утопическое мировосприятие, которое приобрело в культуре зрелого сталинизма специфические черты. "Соцреализм снимает разрыв между сегодняшним и завтрашним днем, - пишет по этому поводу Х. Гюнтер. - Существующее предстает в розовом блеске светлого будущего - идеализируется, романтизируется, лакируется" [19, с. 45-46].

Фатальное несоответствие между якобы реализовавшейся утопией и наличной реальностью не раз становилось предметом изображения Сорокина. Помимо уже упоминавшихся коротких рассказов из седьмой части "Нормы", это противоречие положено в основу повести "Падёж", вошедшей в третью часть романа. Рисуя в этой повести картину сталинского времени, Сорокин вскрывает трагическую коллизию эпохи между насаждаемой сверху утопией и реальной невозможностью воплотить ее в жизнь (8). По словам П. Вайля, "за исключением платоновского "Котлована", не написано ничего более жуткого, яркого и убедительного о разрушении русской деревни, чем сорокинский "Падёж" [21, с. 4].

В рассказе "Окружение" [22, с. 18] описываются боевые действия, идущие на территории какого-то большого города: "Осыпь очередных снарядов легла совсем рядом - угол десятиэтажного дома с грохотом обвалился, подняв тучу пыли, два киоска, "Союзпечать" и "Мороженое", разлетелись в щепки, фонарный столб рухнул, перегородив перепаханный воронками проспект". В центре внимания оказывается происходящее в военном штабе, на скорую руку оборудованном в продовольственном магазине. Необычное расположение штаба позволяет ввести в произведение абсурдистскую сцену. В разгар боевых действий в магазин заглядывает мужчина и как ни в чем не бывало спрашивает,

работает ли он. Получив отрицательный ответ, мужчина просит разрешения забрать лежащий на полу круг сыра. С согласия военных герой кладет сыр в портфель и уходит. После этого повествование продолжается в прежнем ключе.

Гротескное сочетание военных и мирных реалий, напоминающее описанную в "Окружении" ситуацию, встречается в одной из сцен повести "Соловьиная роща" из сборника "Первый субботник": "Машин оглянулся. Рядом с ним стоял, пригибаясь от посвистывающих пуль, кудрявый парень в джинсах. В улыбающихся губах плясала сигарета. Машин нашупал спички, передал. Парень закурил, кивнул головой и, пробежав по изрытому воронками полю, спрыгнул в соседний окоп. Там приглушенно играл магнитофон и слышался мягкий девичий смех. Очередной снаряд заставил Машина пригнуться к пулемету. Немцы опять пошли в атаку" [5, с. 732].

Точно установить хронотоп "Окружения" затруднительно, однако некоторые детали (спортивная сумка, наличие метро) указывают на то, что действие рассказа происходит в Москве того времени. Столица становится ареной боевых действий и в одном из фрагментов рассказа "Дорожное происшествие" из упомянутого "Первого субботника". Характерно, что описания разрушенного города частично совпадают: и в том, и в другом случае фигурирует развороченный асфальт, разбомбленные автобусы и троллейбусы, груды горящих машин, а магазин используется в качестве опорной точки. Не исключено поэтому, что упоминающийся в "Окружении" "перепаханый воронками проспект" - это Ленинский проспект, на котором идет бой в "Дорожном происшествии" [5, с. 692-693].

В этой связи уместно также вспомнить рассказ "Утро снайпера" [23, с. 33-47], в котором деятельность снайпера изображена как рутинная повседневная работа. Ничуть не скрываясь, герой рассказа в полной экипировке едет на общественном транспорте, показывает управдому свое удостоверение, чтобы получить ключ от чердака дома, и, убив тридцать прохожих, становится в очередь за сосисками (10). Во всех четырех упомянутых произведениях мы находим гротескное сочетание военных и мирных реалий, придающее повествованию абсурдистскую направленность.

Таким образом, от ранних, правдоподобно-реалистических произведений, Владимир Сорокин постепенно переходил к рассказам, написанным в гротескно-абсурдистской манере. Реконструкция творческого пути молодого писателя позволяет проследить, каким образом выработывалась его поэтика, основанная на постоянном взаимодействии реалистической и фантастической образности. "Моя проза связана с русским театром абсурда, и в этом смысле я представляю русскую метафизику", - сказал писатель по этому поводу в интервью газете "Известия" [24, с. 8].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В 1986 г. роман был переведен на французский язык, в 1988-м - на английский, в 1990 г. появилось немецкое издание. Всего, по словам Сорокина, "Очередь" была переведена на десять языков [1, с. 9].

2. Впоследствии охотничья тематика будет гротескно претворена в рассказе "Открытие сезона" из сборника "Первый субботник". Убедительные описания лесной жизни также есть в романах "Роман" (1985-1989) и "Путь Бро" (2004).
3. На этот текст впервые обратил внимание В. Огрызко [10, с. 13].
4. В этой должности Сорокин оформил следующие номера журнала: 14-й (июль), 16-й (август), 18-й (сентябрь), 20-й (октябрь), 22-й (ноябрь), 24-й (декабрь) за 1979 г. и 2-й (январь), 4-й (февраль), 6-й (март), 8-й (апрель), 10-й (май) и 12-й (июнь) за 1980 г. Кроме того, в № 14 за 1979 г. на с. 32 был опубликован юмористический рисунок Сорокина.
5. Редакционные будни также изображены в одном из эпизодов первой части "Нормы" [5, с. 18-20], а тема публикации в вузовской многотиражке отражена в рассказе "Деловое предложение" из сборника "Первый субботник".
6. Не случайно описание "подсудимого" в момент творческого процесса (шизофренического приступа) неизменно встречает посетителей официального сайта Сорокина (<http://www.srkn.ru/>).
7. "Всерьез занялся прозой в 22 года" [Сорокин, 2002, с. 6]; "Начал писать осознанно где-то в 1978 году" [15].
8. См. об этом мою статью "Гротеск в повести В.Г. Сорокина "Падёж"" [20, с. 7-16].
9. В отношении проблематики этот рассказ близок повести Ю.М. Даниэля "Говорит Москва" (1958), в которой правительство объявляет в стране "День открытых убийств".

ЛИТЕРАТУРА

1. Сорокин В.Г. Говори сердцем / Беседовали Е. Власов и И. Власова // Популярная психология. - М., 2003. - № 2.
2. Сорокин В.Г. "Альтруисты не пишут романов", или Тарантино русской литературы // Академия. - Киев, 2004. - № 1.
3. Сорокин В.Г. "Я в совок опять не хочу. И в андерграунд - тоже" / Беседовала Н. Кочеткова // Известия. - М., 2005. - 5 авг. - № 136.
4. Соколов Б.В. Моя книга о Владимире Сорокине. - М.: АИРО-XXI: Пробел-2000, 2005.
5. Сорокин В.Г. Собр. соч.: В 3 т. - М.: Ad Marginem, 2002. - Т. 1.
6. Сорокин В.Г. Литература как кладбище стилистических находок / Беседовала С. Рол // Постмодернисты о посткультуре. - М.: ЛИА Р. Элинина, 1996.
7. Сорокин В.Г. Мне нравится харкать против ветра / Беседовал А. Ванденко // Комс. правда. - М., 2001. - 20-27 авг. - № 149.
8. Сорокин В.Г. Доктор Сорокин / Беседовал И. Гавриков // Лица. - М., 2005. - № 9.
9. Сорокин В.Г. Прощание с летом // За кадры нефтяников. - М., 1972. - 20 сент. - № 28.
10. Огрызко В. Восставший из пепла // Лит. Россия. - М., 2005. - 2 сент. - № 35.
11. Сорокин В.Г. Женя: [Памяти Е. Лапутина] // Новая юность. - М., 2005. - № 4.
12. Сорокин В.Г. Текст как наркотик / Беседовала Т. Рассказова // Сорокин В.Г. Сб. рассказов. - М.: РУССЛИТ, 1992.

13. Сорокин В.Г. "В культуре для меня нет табу..." / Беседовал С. Шаповал // Сорокин В.Г. Собр. соч.: В 2 т. - М.: Ad Marginem, 1998. - Т. 1.
14. Сорокин В.Г. Дух или тело / Беседовал Б. Соколов // Алфавит. - М., 2002. - 29 июля - 4 авг. - № 32.
15. Сорокин В.Г. [Интервью радио "Маяк"] / Беседовали К. Гордон и В. Борецкий // Радио "Маяк" [Электронный ресурс]. - М., 2007. - 11 дек. <http://www.radiomayak.ru>
16. Сорокин В.Г. Розовый клубень // Владимир Сорокин [Электронный ресурс]. - М., 2006. - 30 янв. <http://www.srkn.ru>
17. Гастев А. Контуры пролетарской культуры // Литературные манифесты. - М.: Аграф, 2001.
18. Паперный В. Культура Два. - М.: Новое лит. обозрение, 2006.
19. Гюнтер Х. Соцреализм и утопическое мышление // Соцреалистический канон. - СПб.: Акад. проект, 2000.
20. Марусенков М.П. Гротеск в повести В.Г. Сорокина "Падёж" // Кафедральные записки. - М.: МАКС Пресс, 2005. - Вып. 2.
21. Вайль П. Консерватор Сорокин в конце века // Лит. газ. - М., 1995. - 1 февр. - № 5.
22. Сорокин В.Г. Окружение // Газета. - М., 2005. - 5 авг. - № 145.
23. Сорокин В.Г. Утро снайпера // Сорокин В. Г. Утро снайпера. - М.: Ad Marginem, 2002.
24. Сорокин В.Г. "Моя жена предпочитает Томаса Манна" / Беседовала Ю. Рахаева // Известия. - М., 2002. - 18 февр. - № 29.

EARLY WORKS BY VLADIMIR SOROKIN IN THE CONTEXT OF HIS MATURE CREATIVE PURSUITS

M. MARUSENKOV

The Chair of History of Russian Literature of the 20th Century
Lomonosov Moscow State University
MSU, Uchebniy Korpus 1, Leninskiye Gory, 119899, Moscow, Russia

This article deals with reconstruction of Vladimir Sorokin's creative development before he started working on the novel *The Norm*. By analyzing known information and interpreting short stories *Pink Tuber* and *Encirclement* it is shown that the foundation of Sorokin's grotesque and absurd poetics was laid in his early literary essays.